

происхождение, облик Хрисанцы, Ливистра, Родамны), следует наконец особо сказать о важном культурно-историческом факте: о симпатии и доброжелательности к латинянам, не имеющих ничего общего с низкопоклонством Морейской хроники, выдержанных в духе гуманизма, отражающих, по-видимому, атмосферу од-^{325}ного из регионов Византии, где не существовало острого греко-латинского антагонизма и проходил плодотворный процесс культурного взаимообогащения. В условиях, когда все официальные попытки греко-латинской унии оказываются тщетными (и это приближало гибель Византии), литература, греческий роман, преодолевающая религиозные и этнические предрассудки, являют образец наилучшей унии — союза человеческих сердец («Велтандр и Хрисанца»).

Романы интересны и в плане отражения современной им эстетики. «Как настоящий», «как живой» — высший в романах критерий оценок явлений и в сфере техники, и в сфере искусства. Символом такой эстетической концепции является зеркало, наиболее точно отражающее реальность, вызывающее благоговение у людей средневековья. Искусство есть подражание природе и посему оценивается ее категориями. Однако встречается и обратное: оценка явлений природы критериями земной демиургии. «Будто сделанный мастером», «будто нарисованный рукой художника» — высшая оценка явлений природы, красоты человека, которые часто описываются с применением понятия «тэхнэ» (выкованный, выточенный, выстроганный) или геометрических категорий. Эта своеобразная «деанимизация» (объяснение фактов живой природы через явления неживого мира) — также одна из особенностей византийского искусства.

Подобного рода эстетика, широко отраженная в романах наряду с противоположной ей концепцией зеркального отражения, — вообще типично византийская, основанная, по словам А. Грабара, на плотинском познании, «не аналитическом и рассудочном, а тотальном и непосредственном, путем созерцания заключенного в материале иррационального зерна». Рассматривая присланное Родамной кольцо, Ливистр удивляется, как удалось мастеру простым сочетанием металла и камней выразить «саму любовь». Говоря о подобных тенденциях в византийском искусстве, А. Грабар отмечает, что «византийцы XI—XII вв. как бы обнаружили то, что в дальнейшем со своей стороны откроют гуманисты: гармония линий и красок, совершенство симметрии способны выразить божественное»¹⁶. Именно такую попытку создать полную таинственного смысла музыку красок, своеобразную фантазмагорию, очаровывающую насыщенностью цвета, представляет собой описание в «Велтандре» триклиния в сказочном замке любви. Романы как бы озарены, пронизаны светом — основным принципом средневековой эстетики.

Высшие сравнения — сравнения со светом и солнцем. В описании божественных фигур — Зевса, Кроноса, Эроса — преобладают белый цвет, яркие краски, меркнувшие по мере отдаления от божественного. На противоположном полюсе — совершенно черные (ведьма «черна, как сарацинка»). Романисты тяготеют также к характерной для византийских мозаик и фресок полихромности, контрастному сочетанию чистых и звучных цветов. Романисты не только описывают различные комбинации цветов, но и подчеркивают важность этого искусства. Будучи чувствительными, как истые греки, к цветам, красивым камням и металлам, романисты не остаются, однако, бесчувственными к их материальной ценности. Парадоксальное сочетание «дематериализованной» эстетики с эстетикой «материальной» — отмеченная искусствоведами особенность византийского ^{326} искусства. Эффект, производимый светящимися камнями, не всегда исключает осознание византийцами редкости и ценности материала, бросающегося в глаза «богатство» произведений искусства. Вопрос «искусство или материал?» беспокоит авторов романов, которые с одинаковым волнением говорят об искусстве выполнения и о материальной ценности вещей, особенно автор «Каллимаха», отмечающий даже в самых острых, напряженных сценах романа ценность предмета, материала, из которого он изготовлен (драгоценные камни и особенно золото). «Хрисомания» этого романа есть не что иное, как проявление своеобразной ностальгии по золоту и богатству. Об оскудении казны, упрощении церемоний императорского двора, поддельных камнях в короне императора взамен настоящих, заложенных в Венеции, говорят историки, описывающие эпоху правления Палеологов, в том числе Андроника II (двоюродного брата автора «Каллимаха и Хрисоррой»).

¹⁶ Grabar A. La peinture byzantine. Genève, 1953. P. 40.